

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ТАНКИСТЫ

**МОСКВА
2019**

УДК821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Оформление серии *Петра Волкова*

В оформлении переплета использованы фрагменты рисунка *В. Петелина* и 3d-иллюстрации *А. Малахова*

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 **Танкисты / Сергей Зверев.** — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-099685-8

Этому автору по силам любой жанр: жесткий боевик и военные приключения, захватывающий детектив и криминальная драма. Совокупный тираж книг С. Зверева составляет более 6 миллионов экземпляров. Его имя — неизменный знак качества каждой новой книги.

Июль 1941 года. Бронированная армада вермахта рвется на восток. Красная Армия из последних сил сдерживает натиск врага. В числе тех, кто умело бьет фашистов, экипаж Т-34 младшего лейтенанта Алексея Соколова. Танкистам поручено возглавить рейд в тыл противника. Там, в окружении, сражаются остатки корпуса генерала Казакова. Спасти комкора и находящуюся при нем секретную часть — задача непростая, ведь точные координаты бойцов неизвестны. Но отчаянного Алексея Соколова это не пугает, у него уже созрел план дерзкой операции...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зверев С. И., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099685-8

ГЛАВА 1

В первые же дни войны фашистам удалось во многих местах прорвать оборону развернутых в спешке приграничных частей Красной Армии. В прорыв бросались танковые армады с крестами на бортах, которые ускоренными маршами по дорогам двигались на восток. В Западном Особом военном округе сложилась критическая ситуация. Излюбленные немцами «двойные клещи» охватывали советские войска с севера и юга. 2-я и 3-я танковые группы обходили наши войска с целью соединиться западнее Минска, образовав огромный «котел» на Белостокском выступе. Дополнительно 7 армейских корпусов и 20 пехотных дивизий гитлеровцев, сведенных в 2 полевые армии, вели интенсивное наступление с целью соединиться восточнее Белостока.

Отчаянный контрудар Красной Армии 24 июня в районе Гродно силами сводной конно-механизированной группы результата не дал. Господствующая в воздухе немецкая авиация начала бомбить атакующие войска уже на линии развертывания. Несколько попыток пробить подготовленную немецкую

противотанковую оборону привели только к большим потерям корпуса без получения стратегического преимущества. Несмотря на отдельные удачные действия командиров, прорвавших оборону немцев и вышедших на окраину Гродно, это на общее положение наших войск не повлияло. Командир группы генерал-лейтенант Болдин отдал приказ к отходу на восток.

В результате уже к 25 июня 1941 года советскому командованию стало ясно, что охват гитлеровцами Белостокского выступа грозит полным окружением войск Западного фронта. Иного выхода, как только отводить войска на новые рубежи обороны, не было. 3-я и 10-я армии получили приказ отступить на Новогрудок и Слоним. Чтобы сохранить пути отступления армий, в арьергардные бои были брошены наиболее боеспособные части, вставшие заслонами в районе Волковыска и Зельвы и принявшие на себя страшные удары немецких танковых колонн.

Немецкие самолеты уже несколько часов добивали все, что оставалось от корпуса. Примчавшийся на бронев автомобиле представитель штаба округа, который теперь назывался штабом фронта, имел на руках приказ перебросить танковую дивизию из состава корпуса генерала Казакова и всю тяжелую артиллерию, включая три батареи 82-мм минометов, на север, в район Слонима. Причем в приказе было указано просто дикое количество танков, которые

генерал Казаков должен был передать под чужое командование. Дикое, потому что корпус не был укомплектован по штату военного времени, его подняли по тревоге и бросили на запад без боеприпасов, без горючего.

Из 105 положенных по штату тяжелых танков «КВ» танковые дивизии имели лишь десяток, да и те стояли в ремонтных мастерских с разобранными двигателями и трансмиссиями. Из 210 средних танков «Т-34» имелось только 80 машин. Подготовленные экипажи, уехавшие на завод получать машины, так и не вернулись. Некомплект был и легких «БТ-7» и «Т-26». Не укомплектована по штатам военного времени была и моторизованная дивизия. Фактически это была обычная пехотная дивизия со штатом мирного времени. До 60% личного состава и до 40% боевой техники.

Казаков получил корпус за месяц до начала войны, когда его перевели с Дальнего Востока в Западный Особый военный округ. Сформировать полноценный механизированный корпус он так и не успел. После нескольких дней боев, маневрируя, выводя свои части из-под ударов на новые рубежи, нанося удары ответные, Казаков сумел сохранить основные силы, хотя потери были понесены ощутимые. Особенно в танках и артиллерии. И вот теперь некий полковник с приказом в руках, продублированным приказом по радио, повел полученные части напрямик к Слоному и сразу подставил под массирован-

ный удар авиации на рокадном направлении. Генералу ничего не оставалось, как только стиснуть зубы и продолжать держать оборону на своем участке. Он получил сведения, что севернее вышла немецкая танковая группа, но разрешения помочь он не получил.

А под утро всем, что у него осталось, Казаков вынужден был контратаковать вместе с соседями с целью захвата Ивацевичей — крупного транспортного узла на пути на Минск. Остатки корпуса не успели выйти к шоссе, когда с фланга ударила немецкая механизированная группа, а с севера атаковала танковая армия, развернувшая острие своего ударного клина на юго-восток, чтобы замкнуть кольцо вокруг остатков советских дивизий в приграничных районах.

В результате корпус был буквально разрезан на части. Бригады и полки дрались в полном окружении, первое время поддерживая связь со штабом корпуса. Потом связь стала прерываться. Когда немцы вышли к Минску, от корпуса осталось не больше полка. Почти без артиллерии, с несколькими танками и бронемашинами, корпусу приказали встать заслоном перед Слуцком. Напрасно Казаков пытался доказать, объяснить, что позиция, выбранная наспех паникующим начальством, смертельна для остатков соединения. Что для обороны нужно отойти дальше, к Слуцку, оставив Лядно и Селище.

В чистом поле не успевшую окопаться пехоту просто давили танками. Сотни людей метались, от-

стреливаясь из винтовок, пытались контратаковать, но их давили и расстреливали в упор. Если бы перед Казаковым сейчас предстал хоть один из тех штабистов, кто отдавал последний приказ, он бы, наверное, застрелил его. Собрав в кулак всю технику, Казаков в нарушение приказа перешел в атаку, вывел остатки полка из боя и увел в леса южнее Слуцка. Держать оборону, когда за твоей спиной уже прорвались сотни танков и вышли на окраины Слуцка, было бесполезно.

Майор Штанге шел по лесу, постукивая веточкой себя по голенищу сапога и заглядывая в лица мертвых красноармейцев и командиров. «Кубики» на петлицах и у этого, и у этого тоже. У этого две «шпалы», как их называют русские. Вон еще майор, этот капитан. Да и по возрасту они слишком молоды. Генералу Казакову сорок два года, и, судя по фотографии, которая была у майора Штанге, тот имел внушительную внешность и сильное, волевое лицо. Нет, этот советский генерал не станет переодеваться в гимнастерку лейтенанта или капитана. Он будет умирать с генеральскими звездами на петлицах. Черт бы его побрал!

Лейтенант Вигман перепрыгнул через ручей, прошел осторожно между телами, вытирая ладони и шею носовым шелковым платком. Помощник майора был слишком большим любителем чистоты и очень боялся вшей. Поэтому и белье носил только шелковое. И этот платок...

— Представляете! — Лейтенант вытер шею платком и покачал головой. — Они добивают раненых.

Майор повернул голову на звуки редких одиночных выстрелов и автоматных очередей, которые были слышны из леса, и пожал плечами.

— Почему они должны возиться с ранеными, терять время, чтобы спасти жизни этих людей? Я строго приказал не добивать командиров без допросов и установления личности, а остальные... Вы, Вигман, слишком чувствительны. Это славяне, не стоит относиться к ним как к людям. Это низшая раса.

— Помнится, вчера вы мне говорили другое, — поморщился лейтенант. — Вы говорили, что у русских великолепная техника, что они кое в чем обошли нас. И с их разведкой нам придется серьезно повоювать.

— Да, — вздохнул майор. — Я это вчера вам говорил. Я вам еще скажу, что эта война не будет такой простой, как предполагалось. В отличие от поляков, чехов, французов, они не поднимают руки, когда захвачено их полковое знамя, когда попадают в окружение. Они дерутся как звери, хотя смысла в этом нет уже никакого. Умные французы сразу капитулировали, как только мы взяли Париж. Цивилизованная война, а здесь мы столкнулись с дикостью. Иногда, скажу вам по секрету, Вигман, мне становится страшно от таких огромных расстояний, с которыми мы столкнулись здесь, и от понимания того, насколько

велики у этого народа людские ресурсы. Они могут бесконечно пополнять ряды своей армии.

— Мы можем лишить их ресурсов, и тогда армия станет бесполезной и небоеспособной.

— Да, — кивнул майор, — только до этих ресурсов еще дойти и доехать надо. Как бы у нас собственные не закончились к тому времени. Ну что, генерала Казакова здесь нет, надо полагать? Опять он со своим штабом ушел. Скажите, чтобы документы убитых русских сложили на заднее сиденье нашей машины. И не бледнейте так при виде окровавленной солдатской книжки, Генрих. Это просто неприлично для офицера абвера.

Штанге с усмешкой покровительственно похлопал лейтенанта по плечу и пошел дальше по лесу, где только недавно отгремел бой. Русские дрались ожесточенно, до последнего патрона. А когда патроны кончались, они бросались в контратаку. Почему? Этого майор понять не мог. Ведь проще же сдаться, проще остаться в живых. И кто когда узнает, как ты попал в плен? Сам поднял руки или тебя захватили насильно раненным, оглушенным. Да и кто будет доказывать, когда этой стране с коммунистическим режимом осталось существовать... Майор поморщился. Честно говоря, в последние дни он что-то стал сомневаться, что эта война закончится победоносно до осени. «Ладно, мне нужно искать генерала Казакова, а тактика и стратегия — это не для меня».

Младший лейтенант Алексей Соколов, сидя в люке своей «бетушки», как танкисты называли танки «БТ», стянул с головы шлемофон и рукавом вытер грязное лицо. Над лесом и полем висли тяжелые, мрачные тучи, готовые вот-вот разрядиться стеной дождя. Где-то за этими тучами садилось и все никак не могло сесть солнце. Темнота не наступала, она медленно наваливалась смертельной усталостью, вползала в воронки, перепаханные взрывами окопы. Соколов с сожалением смотрел на поле боя, где все еще дымили восемь немецких танков, восемь бронетранспортеров, а земля, изрезанная гусеницами и взрытая снарядами, была усеяна телами в чужих ненавистных мундирах. «Батальон мы их тут положили, не меньше», — подумал он.

Оставлять такую позицию было жалко, но и удержать ее было невозможно. Немцы обходили дивизию с флангов, судя по донесениям, танковый батальон Соколова во время контратаки потерял больше половины танков и сейчас отрезан от основных сил дивизии. Взвод химзащиты уложил на левом фланге обороны дымовые шашки, и теперь перед позициями поредевших рот плыл седой пеленой дым, скрывая все, что в спешке происходило на линии обороны.

Спрыгнув с танка на землю, Соколов встал перед люком механика-водителя и подал команду выезжать из вырытого танкового окопа. Машина заурчала двигателем и поползла по песку вверх. Неподалеку из окопов выезжали два других танка взвода Соколова.

Ездовые выводили из леса лошадей и вытягивали с позиций две последние 45-миллиметровые пушки, на опушке спешно рыли братскую могилу для погибших. Первые пехотные колонны, грузовики и подводы с ранеными потянулись вдоль леса по проселку на восток.

«Сколько уже было таких позиций, — с тоской подумал Соколов, — сколько уже земли осталось за нами под фашистским сапогом, сколько уже похоронено погибших. И конца и края не видно!»

— Что, уснул, танкист? Поторапливайся!

Соколов обернулся и увидел командира стрелковой роты, капитана Яковлева. Перевязанная бинтом поверх грязной гимнастерки рука, копоть на щеке. Капитан хлопнул Соколова по плечу и пошел дальше, выкрикивая через плечо:

— Загони свои «коробочки» до темноты в лесок. А то налетят опять их самолеты и пожгут тебя.

Яковлев с остатками двух стрелковых рот оставался на разбитых позициях прикрывать отход полка. Меньше сотни человек, две пушки-«сорокапятки», с десятков противотанковых ружей, четыре «станкача» и столько же ручных пулеметов. Сколько они продержатся? Час, два, пять? Никто этого не знал. Они оставались для того, чтобы зубами, ногтями вцепиться в землю и дать отойти своим войскам, дать возможность дивизии закрепиться на новом рубеже, зарыться в землю и снова принимать на себя удары превосходящих сил противника.

Полк отдал ротам почти все свои боеприпасы и забирал с собой три последних танка. Все знали, что роты, скорее всего, погибнут здесь. Знали это солдаты и командиры, которые сейчас, пока еще было светло, зарывались в землю, откапывали стрелковые ячейки и пулеметные гнезда. Несколько человек на глазах Соколова поползли от окопов вперед с ящиками. Они постараются заминировать танкоопасные направления. А Соколову с его тремя танками было приказано уходить вместе с последним полком.

Всю ночь дивизия шла почти без остановок. Часть раненых отправили на станцию Узловую, где их должен был забрать санитарный поезд. Несколько машин сломались, и их оттащили на край дороги. Под утро в маленьком городке помпотех реквизировал пять полуторок для нужд армии.

Соколов сидел на башне, свесив ноги в люк головного танка, и тер глаза. От пыли они слезились и зудели, но боевой устав требовал на марше самого тщательного наблюдения за обстановкой. Механики-водители то включали, то выключали фары на своих машинах. В темноте танки клевали передней частью в большие ямы, и молодой командир беспокоился за подвеску. Кончалось горючее, боезапаса в танках почти не было, механики под утро устали так, что засыпали почти на рычагах своих машин. Соколов распорядился сесть за управление командирам танков и сам сменил своего водителя.

Самолеты налетели на рассвете. Небо только начало светлеть, над горизонтом сквозь облачность стало появляться небо, и сразу в низинках пополз туман. Две пары «мессершмиттов» шли над дорогой, и их было видно издалека. Тут же по колонне пронеслась команда «воздух». Ездовые били коней, пытаясь свернуть и укрыться с повозками в лесу, пехотинцы бросались врассыпную подальше от дороги, падая в траву, забиваясь в овражки.

Соколов увидел самолеты через открытый люк еще до того, как его заряжающий Луговой закричал в переговорное устройство:

— Товарищ командир, воздух! Спереди идут... на бреюшем.

Соколов не видел, он скорее почувствовал, как сержант быстро сползает в люк и пытается его закрыть собой.

— Куда, Никонов? Подать команду остальным! В лес, всем свернуть в лес! — кричал Соколов, разворачивая свой танк.

Командовать нерадиофицированными танками даже на марше, а не в бою было сущей морокой. Молодой командир столкнулся с этим сразу после танковой школы, откуда пришел в войска. В школе они обучались на машинах, в которых стояли рации, и командирам не нужно было появляться на башне и подавать сигналы своим танкам специальными жестами. Младшему лейтенанту пришлось учиться самому и учить командиров танков своего взвода